

**«ВЗАИМНО ИСКАЖАЯ ОТРАЖЕНЬЯ»:
МОТИВ ДВОЙНИКА В ЛИРИКЕ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА**

М. А. Васильева

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

Поступила в редакцию 6 октября 2014 г.

Аннотация: *Статья рассматривает лирику выдающегося поэта первой волны русской эмиграции Георгия Иванова в контексте проблемы двойника. Особое внимание уделяется послевоенным сборникам поэта с их сквозным мотивом зеркального отражения и распыления. Обозначенная поэтом тема раздвоения вписывается в культурно-историческую парадигму, где двойник – символ темного начала – служит признаком разрушения цельности, внутреннего этико-онтологического единства субъекта. Между тем Георгий Иванов стоит у истоков радикального переосмысления темы двойничества в русской литературе.*

Ключевые слова: *послевоенная лирика Георгия Иванова, мотив зеркального отражения и распыления, проблема двойника.*

Abstract: *Article considers G. Ivanov's lyrics – the outstanding poet of the first wave of the Russian emigration – in a context of a problem of the double. The special attention is paid to post-war collections of the poet with their through motive of a specular reflection and dispersion. The subject of bifurcation designated by the poet fits into a cultural and historical paradigm where the double – the symbol of the dark beginning – is a sign of destruction of integrity, internal ethic and ontologic unity of the subject. Meanwhile Georgy Ivanov stands at the origins of radical updating of a double discourse in the Russian literature.*

Key words: *Georgy Ivanov's post-war lyrics, motive of a specular image and dispersion, problem of the double.*

Зеркало и зеркальное отражение – один из главных мотивов лирики Георгия Иванова. Уже в первом поэтическом сборнике «Отплыть на о. Цитеру» (1911) тема зеркала заявлена как центральная – первый раздел книги назван «Любовное зеркало», а эпиграфом к нему служит строка из пушкинского стихотворения «Лаиса Венере, посвящая ей свое зеркало»: «Вот зеркало мое – прими его, Киприда!». И далее мотив зеркала проходит сквозной нитью через всю лирику поэта вплоть до последнего прижизненного сборника «Портрет без сходства» (1950). В 50-е годы в эмигрантской печати появляются знаменитые «зеркальные» вариации с переходящей из стихотворения в стихотворение автоцитатой-рефреном «друг друга отражают зеркала» из «Портрета...». Все они потом войдут в посмертный сборник «1943–1958. Стихи» (1958):

*Друг друга отражают зеркала,
Взаимно искажая отраженья.*

*Я верю не в непобедимость зла,
А только в неизбежность пораженья.*

*Не в музыку, что жизнь мою сожгла,
А в пепел, что остался от сожженья [1, 321].*

*Игра судьбы. Игра добра и зла.
Игра ума. Игра воображенья.
«Друг друга отражают зеркала,
Взаимно искажая отраженья...»*

*Мне говорят – ты выиграл игру!
Но все равно. Я больше не играю.
Допустим, как поэт я не умру,
Зато как человек я умираю [Там же].*

*«Желтофиоль» – похоже на виолу,
На меланхолию, на канифоль.
Иллюзия относится к Эолу,
Как к белизне – безмолвие и боль.
И, подчиняясь рифмы произволу,
Мне все равно – пароль или король.*

*Поэзия – точнейшая наука:
Друг друга отражают зеркала,
Срывается с натянутого лука
Отравленная музыкой стрела
И в пустоту летит, быстрее звука.*

*«...Оставь меня. Мне ложе стелет скука»!
[1, с. 375]*

Эти вариации, создавая многомерное пространство, словно под разным углом отражают судьбу лирического героя, – перед нами поэт, человек и, собственно, само творчество, помещенные в обманчивый лабиринт зеркал.

В современном литературоведении мотиву отражения в лирике Г. Иванова посвящены отдельные статьи, главы диссертаций и фрагменты книг¹, в которых мы находим множественные рецепции зеркальной тематики – от статьи Н. А. Богомолова «Талант двойного зренья: Творческий путь Г. Иванова»² – одной из первых глубоких разработок двоемирия ивановской поэтики – до рассуждений в статье Т. С. Соколовой о «дихотомии реального/фиктивного пространства, лежащего в основе структуры художественного универсума Иванова» [3, 71].

Нам бы хотелось посмотреть на мотив зеркального отражения через отдельную и вместе с тем масштабную проблему двойника, на которую в той или иной степени обращали внимание некоторые исследователи. Однако, как нам кажется, двойничеству в художественной системе поэта до сих пор не было уделено должного внимания. Глубинно связанная своими истоками с концепцией романтического двоемирия поэтики символизма, проблема двойника в творчестве Георгия Иванова получила в то же время совершенно новую разработку благодаря абсолютно новому для русской литературы эмигрантскому литературно-философскому опыту.

Несомненно, зеркальный мотив лирики Георгия Иванова, особенно поздних его стихотворений, гармонично вписывается в литературную традицию сюжета о двойнике. Порожденный отражающими друг друга зеркалами «портрет без сходства» вполне соответствует образу двойника, созданному мировой и русской классической литературой. В свою очередь, двойники Н. В. Гоголя («Нос», «Портрет»), Ф. М. Достоевского («Двойник», «Братья Карамазовы», «Бесы»), Э. Т. А. Гофмана («Двойник», «Песочный человек», «Эликсиры сатаны»), А. Шамиссо («Удиви-

¹ Укажем лишь на некоторые исследования: Кузнецова Н. А. Творчество Георгия Иванова в контексте русской поэзии первой трети XX века ; дис ... канд. филол. наук. Магнитогорск. 1999; Якунова Е. А. своеобразие художественного мира ранней лирики Георгия Иванова ; дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2004; Трушкина А. В. особенности поэтического мира Георгия Иванова 1920–50-х годов ; дис. канд. филол. наук. М., 2004; Несынова Ю. В. Эволюция поэтической системы Г.В. Иванова ; дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2007; Соколова Т. С. Поэтика пространства и времени в лирике Георгия Иванова ; дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009.

² Богомолов Н. А. Талант двойного зренья: Творческий путь Г.Иванова. // Вопросы литературы. 1989. № 2. С. 116–142 [2]. Название статьи отсылает к строке «Мне исковеркал жизнь талант двойного зренья» из стихотворения Георгия Иванова «Теперь, когда я сгнил и черви обглодали...» из сборника «1943–1958. Стихи» (1958).

тельная история Петера Шлемиля»), Г. Х. Андерсена («Тень»), О. Уайльда («Портрет Дориана Грея») могут быть обобщены поэтической формулой Георгия Иванова: «Игра судьбы. Игра добра и зла. / Игра ума. Игра воображенья». Эмигрантская «зеркальная» лирика Георгия Иванова, исполненная отчаяния и безысходности, пробитая метафизическими пустотами, попадает в то литературное резонантное пространство, где inferнальный «подобный», порожденный как правило одномерной первоосновой (тьень, портрет, отражение в зеркале), традиционно берет на себя функцию отрицательной величины и где появление двойника служит признаком распада личности, потери цельности, разрушения внутреннего этико-онтологического единства. Именно в таком традиционно-устойчивом понимании проблемы двойничества в основном и рассматриваются зеркальные вариации посмертного ивановского сборника «1943–1958. Стихи» большинством современных литературоведов. «Действительно, в обнажении последних глубин жизни поэзию Иванова трудно превзойти, оставаясь в рамках традиции русской поэзии, – замечает Н. А. Богомолов. – И в этом обнажении все чаще становится справедливой формула: “Друг друга отражают зеркала, / Взаимно искажая отраженья”. В этом взаимном искажении двоится и троится образ автора. <...> Но ведь в этом несовпадении, в “двойном зреньи” так часто бывает заключена душа современного человека, оторванного от своего прошлого и стоящего перед страшным будущим, в которое невозможно глядываться, чтобы не увидеть там беспредельной пустоты» [2, 164]. Похожей точки зрения придерживается А. В. Трушкина: «Бесконечный зеркальный коридор все дальше уводит от приоритетов прежней жизни, и смысл ее все более теряется, ускользает, уступая место вечной, бесцельной и пустой в конечном счете “постмодернистской” игре и постоянной спутнице поэта – тоске» [4]. С. Н. Колосова, справедливо замечая, что стихотворение «Друг друга отражают зеркала...» является программным не только для «Портрета без сходства», но и для всего позднего творчества поэта, заключает: «Мотив отражения – одна из ипостасей разрушающего начала в творчестве Г. Иванова. <...> Отраженные друг в друге зеркала – это метафорическое представление Георгия Иванова о реальном мире как о бесконечном коридоре искажений, раскладывающихся на микрочастицы гармонию, единство, одухотворенный мир человека» [5, 20].

В то же время мотив раздвоения-отражения в лирике Георгия Иванова далеко не статичен и переживает внутри себя значительную смысловую эволюцию, что и было отмечено некоторыми литературоведами. «Романтическое двоемирие раннего Иванова сменяется всемирным разложением», – пишет С. Н. Колосова [5, 18]. На иную проблему – все

большую проницаемость и условность границ дихотомии художественного мира Георгия Иванова в послевоенных стихах – указывает Т. С. Соколова: «В 1940–50-е гг. картина мира Иванова меняется в сторону постепенного стирания грани между противопоставленными друг другу пространственно-временными системами. С тенденцией к нейтрализации противоположностей связано выстраивание художественного мира по принципу зеркального отражения. По принципу бесконечно множасьихся отражений в обращенных друг к другу зеркалах выстраивается реальность, окружающая лирическое “я”, – посткатастрофический мир, в котором происходит искажение, смещение, утрата традиционных ценностных ориентиров» [6]. Замечено очень верно. Так, например, априорно заявленная антитеза, которой начинается известное стихотворение из довоенного сборника «Розы» (1931): «Я слышу – история и человечество, / Я слышу – изгнание или отечество. / Я в книгах читаю – добро, лицемерие, / Надежда, отчаянье, вера, неверие», – помещенная в кавычки, испытывается скрытой иронией, а к финалу полностью растворяется в пространстве «вне времени и расстояния». В послевоенном «Портрете без сходства» оппозиция «добра и зла» истончается до предела: «Я верю не в непобедимость зла, / А только в неизбежность поражения. / Не в музыку, что жизнь мою сожгла, / А в пепел, что остался от сожженья». Заявленное «противопоставление» выглядит весьма условно и зыбко, так как водораздел проведен, в сущности, между отражением и отражением, между небытием и небытием. Поэтому вывод исследователей об «утрате традиционных ценностных ориентиров» или доминирующей теме «всемирного разложения» в эмигрантском зеркальном тексте Георгия Иванова звучит более чем убедительно.

Между тем мотив зеркала, отражения, раздвоения претерпевает значительную эволюцию не только в длительный период между ранней лирикой поэта и его послевоенными стихами, но и внутри отдельного временного отрезка послевоенного творчества между «Портретом без сходства» (1950) и «Посмертным дневником» (1958). Вариации на тему «Друг друга отражают зеркала» в посмертном сборнике органично вплетены в более сложный зеркальный контекст. Именно на эту эволюцию и именно на этот контекст нам и хотелось бы обратить внимание. С одной стороны, в стихотворении «“Желтофиоль” – похоже на фиолетовую...» поэзия оказывается в бесконечном обманчивом коридоре зеркал и отравленная музыкой стрела «в пустоту летит, быстрее звука». С другой, – созданный эмигрантским зазеркальем ландшафт в поздней лирике Иванова не всегда оборачивается небытием. Одна из характерных черт лирики Иванова 1950-х гг. – уже отмеченное исследователями смещение ментальной границы, которая отделяет реальный мир и его от-

ражение. В этом поэтическом зеркальном мире бесконечных перевоплощений, нарушений метафизической «демаркационной линии» вопросы – где явь, а где мираж? где настоящий герой, а где его двойник? где прототип, а где протагонист? – остаются неизменно открытыми. Во всяком случае, семантическая перспектива стиха рисует далеко не пустоту и не мертвую точку.

Идеально иллюстрирует это смещение и взаимопроникновение двух реальностей письмо Георгия Иванова к Владимиру Маркову от 18 января 1956 г.: «У нас слишком соблазнительная погода — 15° тепла и полное солнце. И декорации соблазнительные. Нуёрес — городок окруженный — т. е. с трех сторон — четвертая море — тремя цепями гор. На первой стоят 7 замков, отсюда Людовик Святой уходил в крестовый поход. Вторая цепь вся в соснах и дубах. Третья покрыта снегом. Видны, отовсюду, сразу все три. Внизу все желто от цветущих мимоз и розово-бело от миндаля. Кроме этого во время королевы Виктории, здесь каждую зиму жил двор и большинство зданий, в оно время, служили под Королеву и ее свиту. Это дает оттенок вроде Павловска или Петергофа. Гранитные тротуары шириной в добрую улицу, а главная из них совсем в Невский. Это ласкает мой старорежимный глаз» [7, 334–335]. Письмо фиксирует почти мгновенное перевоплощение, перестраивание «соблазнительных декораций» Йера в декорации Павловска – Петергофа – Петербурга. Поэтической иллюстрацией такого особенного «двойного зренья», перехода из объективной реальности в пространство, существующее «вне времени и расстояния», служит написанное в те же годы и вошедшее в «Посмертный дневник» стихотворение «Ликование вечной, блаженной весны...». В трех его строфах запечатлено последовательное «виртуальное» движение мысли: от эмигрантской действительности – через разрушение ментальной границы – в другой, несуществующий мир дореволюционного Петербурга, причем на вопрос – где настоящий мир и где настоящее «я» лирического героя – сам поэт отвечает недвусмысленно:

*Ликование вечной, блаженной весны,
Упоительные соловьиные трели
И магический блеск средиземной луны
Головокружительно мне надоели.*

*Даже больше того. И совсем я не здесь,
Не на юге, а в северной, царской столице.
Там остался я жить. Настоящий. Я – весь.
Эмигрантская быль мне всего только снится –
И Берлин, и Париж, и постылая Ницца.*

*...Зимний день. Петербург. С Гумилевым вдвоем,
Вдоль замерзшей Невы, как по берегу Леты,
Мы спокойно, классически просто идем,
Как попарно когда-то ходили поэты [1, 586].*

Вспомним зеркально-противоположную идею героя Достоевского перевоплотиться в поддельное «я», «прикинуться, что не я, а что кто-то другой, разительно схожий со мною» существует в реальном времени и пространстве и даже более – его желание «даже совсем уничтожиться, не быть, в прах обратиться» [8; 113, 139]. В то же время *настоящее* «я» в ивановском стихотворении прочно связано с миром, объективно переставшим быть *настоящим*.

Безусловно, воспоминания о России – центральный мотив всей эмигрантской лирики Георгия Иванова, и «Ликование вечной, блаженной весны...» тематически стоит в ряду большинства его стихотворений, написанных в изгнании. Между тем сам процесс воспоминания не одинаков в довоенные и послевоенные годы. В довоенных «Розах» Россия предстает как место, утраченное навсегда:

*Над широкой Невой догорал закат.
Цепенели дворцы, чернели мосты –*

*Это было тысячу лет назад,
Так давно, что забыла ты.
(«Черная кровь из открытых жил...») [1, 265]*

*И нет ни России, ни мира,
И нет ни любви, ни обид –
По синему царству эфира
Свободное сердце летит.
(«Закроешь глаза на мгновенье...») [1, 275]*

*Хорошо, что нет России.
Хорошо, что Бога нет.
(«Хорошо, что нет Царя...») [1, 276]*

Россия – это «мир, что навсегда потерян» [1, 277], а «все, кто блистал в тринадцатом году – лишь призраки на петербургском льду» [1, 287]. В «Отплытии на остров Цитеру» (1937): «Россия тишина, Россия прах» [1, 299].

Атмосфере бездомности и безвоздушного пространства, тотальной душевной катастрофы в лирике Г. Иванова есть и прозаическое объяснение. Сборнику «Розы» в жизни поэта предшествует знаменательный исторический отрезок, – с 1922 года, когда он эмигрировал из России, и до 1931-го, когда книга вышла в свет. В эти годы за русскими эмигрантами закрепляется статус беженца. В 1922 г. Лигой Наций вводится знаменитый нансеновский паспорт, от которого Георгий Иванов не отказался на протяжении всей своей жизни, так и не взяв французского гражданства. В свою очередь, в советской России один за другим выходят постановления, обрывающие связи русских эмигрантов с родиной: постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 15 декабря 1921 г.; Положение о союзном гражданстве от 29 октября 1924 г. ЦИК СССР; Постановление ЦИК и СНК СССР от 13 августа 1926 г. и т. д. Благодаря этим по-

следовательным действиям советской власти эмигрантам был заказан путь назад, они становились апатридами – лицами без гражданства, без устойчивого социального, исторического и географического «своего места».

Знаменательно, что в те же годы в достоевсковедении русской эмиграции совершается значительный прорыв в интерпретации повести «Двойник» и проблемы двойника в целом с постановкой вопроса о значении «своего места» в философской системе Достоевского. Особая роль здесь принадлежит работе Д.И. Чижевского «К проблеме двойника. (Из книги о формализме в этике)» (1929), вызвавшей большой резонанс в литературоведческих и философских кругах и в значительной мере повлиявшей на достоевсковедение П. М. Бицилли, В. В. Зеньковского, А. Л. Бема, Н. Е. Осипова. Именно потеря героем повести «своего места», с точки зрения Чижевского, неминуемо вела Голядкина к душевной катастрофе двойничества: «Появление двойника и вытеснение им Голядкина из его “места” обнаруживает только иллюзорность этого “места”. <...> Реальность человеческой личности не обуславливается простым ее “существованием” в эмпирическом плане бытия, но требует каких-то иных (внеэмпирических) условий и предпосылок. <...> Между тем онтологическая неустойчивость личности отнюдь не связана с психологической (“слабохарактерность”) или социальной (“зависимость”). <...> Живое, конкретное бытие человека, – продолжает Чижевский, – всякое его “место” в мире возможно лишь через живую связь человека с божественным бытием» [9; 58–59, 63]. Осмысление *утери своего места* как некой новой формы бытия в лирике Георгия Иванова было во многом созвучно новым идеям достоевсковедения русской эмиграции. Масштаб этой утери – от исчезновения на карте целой страны до тектонического религиозного провала – поэт лапидарно констатирует в известных строках: «Хорошо, что нет Царя. / Хорошо, что нет России. / Хорошо, что Бога нет. / Только желтая заря, / Только звезды ледяные, / Только миллионы лет».

Можно было бы сказать, что горечь потери родины Георгий Иванов как человек и как поэт разделил с русской эмиграцией сполна. Однако в статусе бездомности, то есть человека «без места», Георгий Иванов занимает особое положение. Пожалуй, трудно привести пример из числа первых писателей русского зарубежья, схожий с примером Иванова. Бездомность его преследует и в военные, и в послевоенные годы. В 1943 г. немецкие власти отбирают его дом в Биаритце, вскоре тот же дом будет разрушен при бомбардировке американской авиацией. Это событие найдет отражение в известном ивановском стихотворении:

*Отвратительнейший шум на свете –
Грохот авиона на рассвете...*

*И зачем тебя, наш дом, разбили?
Ты был маленький, волшебный дом,
Как ребенка, мы тебя любили,
Строили тебя с таким трудом [1, 340].*

Георгий Иванов с Ириной Одоевцевой сначала живут в гостиницах, потом в Русском доме в Жуанле-Пене (1947–1948), в 1951-м перебираются в Русский дом Монморанси, где живут до 1953-го, после чего возвращаются в Париж, в 1955-м они поселяются в международном «Доме пенсионеров» для политэмигрантов «Beausejour» в Йере на юге Франции. Комментируя эту кочевую жизнь, их давний друг Георгий Адамович, с которым во время войны отношения были практически непоправимо испорчены, пишет Иванову из Манчестера: «Как Вам живется в Вашем доме? Вы ничего не сообщили. Я мечтаю, когда отсюда выберусь, тоже устроиться в нечто вроде богадельни, вопреки людям, которые ужасаются этому»³ [10, 465]. Трудно сказать, насколько искренен в письме был Адамович, благополучный преподаватель русской литературы в Манчестерском университете, и насколько он «мечтал» о статусе обитателя богадельни. Насколько тотальная потеря дома отразилась на строе мыслей и на творчестве Георгия Иванова, можно судить по частотности появления слова «дом» (в значении родного дома и пристанища) в поздней лирике поэта. Образ дома в послевоенные годы появляется в его стихах в два раз чаще, чем за все прошлые творческие годы. Причем традиционный мотив исчезновения России и абсолютной потери своего пристанища, проникающий из довоенной поэзии в позднюю лирику «Никому ни о чем не расскажем, / Никогда не вернемся домой» [1, 336] начинает сменяться мотивом ирреального возвращения домой: «Я хотел бы улыбнуться, / Отдохнуть, домой вернуться» [1, 388], «Замученное сердце радо / Тому, что я домой бреду» [1, 403]. Иллюстрацией мгновенной смены душевного состояния, перевоплощения бездомности в иллюзорное обретение дома служит стихотворение из «Посмертного дневника»:

*За столько лет такого маянья
По городам чужой земли
Есть от чего прийти в отчаянье,
И мы в отчаянье пришли.*

*– В отчаянье, в приют последний,
Как будто мы пришли зимой
С вечерни в церковке соседней,
По снегу русскому, домой [1, 578].*

В эти годы в лирике Георгия Иванова все более дает о себе знать разрушение ментальной границы между эмпирическим эмигрантским миром и мифическим миром исчезнувшей навсегда дореволюционной России. В немалой степени это проявляется

³ Г. В. Адамович – Г. В. Иванову. 23 марта 1955.

в «Портрете без сходства» («Что-то сбудется, что-то не сбудется...», «Отражая волны голубого света...», «Голубизна чужого моря...») и особенно – в цикле «Дневник», вошедшем в сборник «1943–1958. Стихи» («Торжественно кончается весна...», «Свободен путь под Фермопилами...», «Четверть века прошло за границей...», «Белая лошадь бредет без упряжки...», «Нечего тебе тревожиться...», «Бредет старик на рыбный рынок...», «Я люблю безнадежный покой...», «Здесь в лесах даже розы цветут...», «Все представляю в блаженном тумане я...» и т. д.).

Бесконечный зеркальный коридор, создающий «портрет без сходства», делающий мифом эмигрантскую действительность и реальностью – российский-петербургский миф, оказывается более сложной системой, чем просто последовательная логическая цепочка «раздвоение» – «искажение» – «разрушение» – «небытие». Такая цепочка вполне соответствовала бы традиционному подходу к теме двойничества и душевного распыления, однако в художественном мире Георгия Иванова она неизменно усложняется драматичным эмигрантским опытом. То, чем у предшественников Иванова завершалось двойничество, – пустота, небытие, разрушение – в эмигрантском мире было не только априорной данностью, но и начальной точкой отсчета, с которой начиналось созидание нового мифа, своей истории. В коридоре зеркал ивановского мифа опознавательные знаки эмигрантского опыта – пустота и отчаяние – могли перевоплощаться в свои отражения «без сходства». Поэтому слова исследователя о том, что Георгий Иванов «с отчетливостью описал нам состояние человека, находящегося у самой последней черты, нарисовал пейзаж той местности, за которой начинается небытие», – нам кажутся верными лишь отчасти [2, 167]. Пейзаж местности поздней ивановской лирики исполнен сложных линий и траекторий, семантическое пространство его поэзии раздвигает границы, выстраивает вторую реальность и новые миры и определяет лирическому герою «свое место» в этих мирах. Распыление не всегда заканчивается небытием, а порой переходит в совершенно новое качество. Выход поздней поэзии Иванова на иной метауровень не снимает трагизма и не решает неразрешимых дилемм, однако по-своему дает возможность преодолеть небытие. Подобный парадоксальный сплав распыления и творчества, способности зеркально раздвоиться, чтобы сохранить себя, демонстрирует знаменитое стихотворение, посвященное Ирине Одоевцевой, из цикла «Дневник»:

И. О.

*Распыленный миллионом мельчайших частиц
В ледяном, безвоздушном, бездушном эфире,
Где ни солнца, ни звезд, ни деревьев, ни птиц,
Я вернусь – отраженьем – в потерянном мире.*

*И опять, в романтическом Летнем Саду,
В голубой белизне петербургского мая,
По пустынным аллеям неслышно пройду,
Драгоценные плечи твои обнимая.*

В новом эмигрантском дискурсе раздвоения как самосохранения поэзия Георгия Иванова занимает особое место. В обновлении проблематики двойничества литература русского зарубежья сделала очевидный прорыв уже в довоенный период. Двойники ранней прозы Набокова еще существуют в лоне русской литературной традиции, однако раздвоенные миры Бориса Поплавского в «Аполлоне Безобразов» (1926–1932) или смещение отражения и воспоминания в стихотворении Владислава Ходасевича «Перед зеркалом» (1924) знаменуют собой совершенно новый взгляд на проблему двойника.

Кардинальное переосмысление концепции двойника в литературе русской эмиграции «первой волны» происходит в послевоенные годы. Так, например, традиционное понимание двойника-отражения как явления одномерного, механистично-«подобного» сменяется оправданием типичного «среднего человека», представителя сонма «подобных» в философском романе-притче Гайто Газданова «Пробуждение» (1965), сюжет которого подчеркнуто усложнен вопросом о раздвоении личности главного героя. Лирика же Георгия Иванова послевоенных лет совершает абсолютный прорыв в литературном сюжете о двойнике. Отражение-раздвоение оборачивается в ряде его стихотворений не пустотой и распадом, а последней возможностью сохранить свою цельность, свое настоящее «я». В перспективе этот вектор намечал совершенно новую философскую проблему, поднятую в повести

Саши Соколова «Школа для дураков».

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов Г.В. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. Стихотворения / Г. В. Иванов. – М., 1993. – 656 с.
2. Богомолов Н.А. Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания / Н. А. Богомолов. – Томск, 1999. – 640 с.
3. Соколова Т.С. Семантическая граница в ранней лирике Георгия Иванова / Т. С. Соколова // *Вестник ТГПУ. – 2007. – Выпуск 8 (71). Серия: Гуманитарные науки (Филология).* – С. 70–75.
4. Трушкина А.В. Особенности поэтического мира Георгия Иванова 1920–50-х годов; автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Трушкина. – М., 2004.
5. Колосова С. Н. Игра Георгия Иванова в стихотворении «Друг друга отражают зеркала...» / С. Н. Колосова // *Русская речь.* – 2010. – № 6. – С. 17–20.
6. Соколова Т.С. Поэтика пространства и времени в лирике Георгия Иванова; автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. С. Соколова. – СПб., 2009.
7. Марков В.Ф. О русском «Чучеле совы»: Статьи, эссе, разное / В. Ф. Марков. – Новосибирск, 2012. – 444 с.
8. Достоевский Ф.М. Двойник. Петербургская поэма // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. – Л., 1972. – Т. 1. – С. 109–229.
9. Чижевский Д. И. К проблеме двойника. (Из книги о формализме в этике) / Д. И. Чижевский // *Вокруг Достоевского: В 2 т. – Т. 1. : О Достоевском: Сб. статей под редакцией А. Л. Бема / Сост., вступ. ст. и коммент М. Магидовой.* – М., 2007. – С. 54–73.
10. «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке литераторов-эмигрантов / Сост., предисл. и примеч. О. А. Коростелева. – М., 2008. – 816 с.

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

Васильева М. А., кандидат филологических наук, ученый секретарь Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына

E-mail: marijavasil@mail.ru

The House of the Russian Abroad named after Alexander Solzhenitsyn

Vasilieva M. A., Candidate of Philology, Scientific Secretary of the House of the Russian Abroad named after Alexander Solzhenitsyn

E-mail: marijavasil@mail.ru